

ГУСЕВ Дмитрий Алексеевич

**АНТИЧНЫЙ СКЕПТИЦИЗМ КАК РАННЯЯ ФОРМА РЕФЛЕКСИИ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Специальность 09.00.03 – история философии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре философии факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор
КНЯЗЕВ Виктор Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
КАЙДАКОВ Станислав Васильевич

доктор философских наук, профессор
МАРЕЕВА Елена Валентиновна

доктор философских наук, профессор
СЕМАЕВА Ирина Ивановна

Ведущая организация – Российская академия государственной службы при Президенте РФ

Защита состоится «6» сентября 2010 г. в «13» часов на заседании диссертационного совета Д 212.154.06 при Московском педагогическом государственном университете по адресу: 117571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке при Московском педагогическом государственном университете по адресу: 119992, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «22» октября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 - Кузнецова С.В.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000730124

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Скептицизм в философии характеризуется множеством проявлений и имеет многих представителей начиная с Древнего мира и заканчивая современной философией. Однако скептицизм в качестве одного из направлений в философии или типа философского мышления появился в античном мире, где прошел длительную идейную и историческую эволюцию и достиг своего расцвета; т.е. скептицизм в своем наиболее полном проявлении и завершенной форме – это античный скептицизм.

Считается, что античный скептицизм окончательно оформился в так называемый, по Б.Расселу, «второй период» истории античного мира – период македонского господства, который длился до периода Римской империи и известен как «эллинистический век». По свидетельству того же Б.Рассела, именно на этот период приходится наилучшее во всей истории Древней Греции состояние естествознания и математики. При этом скептицизм как философия значительно уступал философии времен Платона и Аристотеля¹.

Совпадение по времени в древнегреческой интеллектуальной истории, с одной стороны, оформления скептицизма в философское учение, а с другой – расцвета наук едва ли случайное. Связь между философским скептицизмом и научным познанием лежит на поверхности, поскольку научное мышление скеплично в принципе – оно всегда стремится оспорить «очевидное» и обнаружить скрытую за ним истину. Поэтому, возможно, античный скептицизм явился неким историческим рубежом, с которого теоретическое мышление «раздвоилось» на старое, философское и новое, научное мышление, и стала развиваться, наряду с философской картиной мира, научная картина мира. Не исключено, что миссия скептицизма в интеллектуальной истории Древней Греции состояла именно в фиксации феномена нового теоретического мышления – научного мышления.

Не существует однозначного и общепризнанного ответа на вопрос о том, что следует подразумевать под античным скептицизмом. Это понятие является скорее неопределенным, чем определенным, т.к. оно не имеет ясного содержания и четкого объема: совокупность идей, хронологические рамки и круг представителей античного скептицизма возможно прочертить лишь приблизительно. С одной точки зрения и в узком смысле слова, античный скептицизм – это собственно скептическая школа, родоначальником которой считается Пиррон. С другой точки зрения и в широком смысле, под античным скептицизмом подразумевается вообще скептическая традиция, или «вектор» древнегреческой философии от досократиков до мыслителей эллинизма. Наконец, возможна и третья, своего рода «средняя» точка зрения, согласно которой античный скептицизм

¹ См.: Рассел Б. История западной философии. Том I. М., 1993. С. 238.

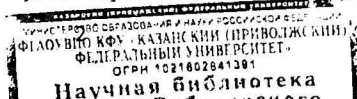
представляет собой общую интеллектуальную направленность эллинистических философских построений, выразившуюся, прежде всего, в скептической и протестной настроенности представителей различных направлений этого периода. В данном исследовании автор придерживается именно такого понимания античного скептицизма.

Рассмотрение античных скептиков в ракурсе связи выдвигасмого ими скепсиса со скепсисом науки наталкивается на возражение, по которому в современном смысле слова наука и соответствующая эпистемология появились спустя века после античного философского скептицизма и отвечающей ему эпистемологии, так что обе эпистемологии «несоизмеримы» между собой. Верно, что в эллинистическую эпоху наука в современном понимании не существовала, но существовало теоретическое мышление, которое вряд ли возможно однозначно охарактеризовать как «несоизмеримое» с теоретическим мышлением современности.

В период эллинизма, в отличие от периода полисной демократии, общество оказалось в жесткой политической системе, которая не приветствовала вмешательство «простого человека» в политику, управление, власть. Стало формироваться новое общественное сознание – слабости перед установлениями, которые «простой человек» не производит и которые не может изменить. Интеллектуальным коррелятом такого сознания и мог выступить философский скептицизм как философия тщетности человеческих усилий установить «высшие» истины; в силу чего эпистемология эллинистических философов состоит в неприятии самонадеянности теоретического мышления прежних времен, когда философы были уверены, что человеческий интеллект способен дойти до «последних оснований» бытия, понять высшие истины и сделать это знание главным двигателем общественной жизни в правильном направлении. Эллинистический же философский скептицизм указал человеческому познанию его реальные возможности – достигать лишь относительных и условных истин, которые призваны помогать выживанию человека во враждебном мире, не должны претендовать на большее, и, более того, – могут в последующем оказаться заблуждениями.

Подобный скепсис в отношении самого понятия «истина» во многом характеризует и современную науку. Эллинистическая философия была скептична в отношении возможностей теоретического мышления, которое в поиске истины наталкивается на тяжелую и, быть может, неразрешимую проблему доказательства достоверности теоретического знания. В данном случае не будет лишним оснований утверждение, согласно которому философия науки возникла в середине XIX века как «второе рождение» прагматичной эпистемологии эллинистических философов – в виде доктрины позитивизма.

В связи с этим античный скептицизм представляет исследовательский интерес именно как ранняя эпистемология, вполне «соизмеримая» с эпистемологией современной науки и во многом опередившая свое время. Эллинистические философы, рассмотренные под углом зрения их

«скептической» эпистемологии, выглядят настоящими пророками в мировой интеллектуальной истории, а не «потерянным поколением» философов в их историческом времени упадка великих философских систем. «Античный скептицизм, – отмечает Л.А. Микешина, – с его исследовательской, ищущей устремленностью и разочарованием в результатах не разрушает философию, но...стремится преодолеть догматизм как форму некритического философствования,...определенного типа ментальности в целом. Очевидно, что такое понимание скептицизма имеет позитивный смысл, неотъемлемо от самой сути научного исследования, должно быть сохранено как одно из оснований *принципа доверия субъекту*, который осознает необходимость выполнения определенных требований скептицизма»¹.

В отличие от традиционного историко-философского понимания представителей античного скептицизма – как «малозаметных» философов времен заката античной философии, – понимание их в качестве мыслителей, которые стояли у истоков научного мышления, актуально, поскольку позволяет проследить античные корни научной картины мира и, тем самым, показать непрерывность в развитии научной рациональности – от рациональности античного человека до рациональности, породившей и развивающей современную науку.

Степень разработанности проблемы. Античный скептицизм в философии редко становился отдельным объектом изучения и в целом остался малоизученным философским явлением. Так, например, трудов, вышедших за последние сто лет и посвященных исторически параллельным античному скептицизму направлениям, – стоицизму, кинизму и эпикуреизму, – во много раз больше, чем исследований, посвященных скептицизму (приблизительно несколько сотен против нескольких десятков наименований).

Античный скептицизм часто рассматривается как отрицательный догматизм, как философское направление, во многом родственное агностицизму и релятивизму или даже, по крупному счету, тождественное им. Часто не разграничивается полный и частичный скептицизм и вместо того, чтобы видеть их существенные различия, экстраполируют признаки последнего на первый, тем самым значительно искажая его содержание. Как правило, часто пытаются обвинить скептицизм в непоследовательности, найти в нем противоречия, обычно не замечая, что он хорошо знает подобного рода возражения против себя и вполне с ними справляется. Нередко античный скептицизм расценивался как настроение эпохи или ее психологическая мода, но не как самостоятельное направление мысли, философская же актуальность и даже состоятельность античного скептицизма часто ставилась под сомнение. Кроме того, в большинстве случаев, сочинения об античном скептицизме носят, по преимуществу, констатирующе-описательный характер.

¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 161-162.

Если говорить об историко-философской литературе на русском языке, исключая упоминания об античном скептицизме (объемом от нескольких абзацев до нескольких страниц) в общих монографиях по истории античной философии и вообще истории философии, а также за исключением публикаций автора по данной теме, то картина будет выглядеть следующим образом. Существует только один историко-философский труд монографического характера, целиком посвященный античному скептицизму – это переведенная и изданная в 1910 г. в Санкт-Петербурге монография Р.Рихтера «Скептицизм в философии». Далее следует упомянуть еще одну широко известную работу, но уже не монографического характера – это раздел об античном скептицизме в многотомной «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева, который дублируется его же статьей «Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика», предваряющей двухтомник сочинений Секста Эмпирика в серии «Философское наследие» (1976 г.). Так же античному скептицизму посвящены статья Н.В. Брюлловой-Шаскольской открывающая «Три книги пирроновых положений» Секста Эмпирика (1913 г.), первая глава книги В.М. Богуславского «Скептицизм в философии» (1990 г.), первый параграф первой главы «Природа философского скептицизма» монографии Г.Г. Соловьевой «О роли сомнения в познании» (1976 г.), вступительная статья М.М. Сокольской «Бесконечное приближение к истине», предваряющая русскоязычный перевод сочинения Цицерона «Academicorum» (2004 г.) и депонированная рукопись Т.Н. Власика «Роль скептицизма в становлении философской критики» (1991 г.). В сборниках статей существует несколько работ об античном скептицизме – это статья Д.Б. Джохадзе «Теория познания античного скептицизма и ее современное значение» (1986 г.), статья М.Н. Гутлина «Воззрения школы скептиков на античную религию» (1989 г.), статья Г.К. Тауриня «Понимание специфики философского познания мира в развитии скептицизма» (1988 г.). В периодической печати следует отметить статьи А.В. Семушкина «Античный скептицизм. Лекция 1. Пирронизм» и «Античный скептицизм. Лекция 2. Эволюция пирронизма. Неопирронизм» (1997–1998 гг.). Такой странный по своей количественной незначительности перечень русскоязычной литературы об античном скептицизме дают фонды Российской Государственной Библиотеки и результаты электронного поиска в фондах ИНИОН РАН.

Лучше обстоят дела с зарубежной литературой. Существует несколько работ монографического характера на английском языке, целиком посвященных античному скептицизму – это книга Н. Маккола «Греческие скептики от Пиррона до Секста» (1869 г.), монография М. Патрик «Греческие скептики» (1929 г.), труд Ш. Стог «Греческий скептицизм» (1969 г.), работы К. Янчека «Прологомены к Сексту Эмпирику» (1951 г.) и «Скептический метод Секста Эмпирика» (1972 г.), исследование Дж. Аннас и Дж. Барнеса «Тропы скептицизма. Древние тексты и современные интерпретации» (1985 г.), книга Г. Тарранта «Скептицизм или платонизм? Философия четвертой Академии» (1985 г.). Следующие работы посвящены античному скептицизму

частично – монография Е. Бивена «Стоики и скептики» (1913 г.), произведение А. Лонга «Эллинистическая философия. Стоики, эпикурейцы, скептики» (1974 г.), книга Ч. Ландесмана «Скептицизм» (2002 г.) и одноименные произведения К. Хуквея (1992 г.), К. Нильсена (1973 г.), А. Несса (1968 г.), Н. Ричера (1980 г.); в пяти последних сочинениях античному скептицизму уделяется далеко не основное внимание. Далее следует отметить сборники статей, большая часть которых посвящена античному скептицизму – это «Скептическая традиция» под редакцией М. Бернета (1983 г.), «Сомнение и догматизм. Исследования по эллинистической философии» (1980 г.) и сборник Г. Стрикер «Очерки по эллинистической эпистемологии и этике» (1996 г.). Кроме того наберется не многим более десятка англоязычных статей в периодической печати. Среди сочинений неанглоязычной литературы, посвященной античному скептицизму, можно отметить труды немецких ученых Е. Паппенгейма – «Жизненные перипетии Секста Эмпирика» (1887 г.) и «Комментарии к пирроновым основоположениям Секста Эмпирика» (1881 г.), М. Гааса «Жизнь Секста Эмпирика» (1882 г.), А. Гедкемейера «История греческого скептицизма» (1968 г.), Э. Целлера «Стоики, эпикурейцы и скептики» (1870 г.), У. Буркхарда «Мнимое гераклетианство скептика Энесидема» (1973 г.), Д. Шмухера-Хартмана «Счастливое искусство сомнения: Античный скептицизм у Секста Эмпирика» (1986 г.); а также французских авторов В. Брошара «Греческие скептики» (1923 г.), М. Конше «Пиррон или явление» (1973 г.), Ж. Дюмонта «Скептицизм и феномен. Сочинение об идейных корнях пирронизма и его значении» (1972 г.), Л. Робина «Пиррон и греческий скептицизм» (1944 г.). Такой количественный набор зарубежной историко-философской литературы об античном скептицизме дают фонды РГБ, ВГБИЛ им. М. И. Рудомино и ИНИОН РАН.

Кроме того, по данным каталогов диссертационного филиала РГБ в г. Химки в отечественной истории философии не существует ни одной диссертации, посвященной античному скептицизму, в то время как по каждому из хронологически параллельных скептицизму философских направлений – эпикуреизму, стоицизму, кинизму – защищено не одно диссертационное исследование.

Кроме того, по теме и предмету исследования, – в ракурсе сопоставления античного скептицизма с современными эпистемологическими идеями – на настоящее время не существует прямых научных разработок. В зарубежной философии науки есть множество косвенных выходов на данную тему, так или иначе касающихся античной эпистемологии в связи с теоретическими вопросами современного научного развития. Однако автору, специально знакомившемуся с литературой по данному вопросу, не встретился материал, который анализировал бы в указанном контексте именно традицию античного скептицизма. Такая ситуация представляется во многом удивительной, если учесть, что в литературе по истории и методологии науки стало общим местом характеризовать научный метод с точки зрения такого существенного его

элемента, как сомнение, или скепсис, что, возможно, восходит к Р.Декарту с его идеей науки как «методологического сомнения». Тем не менее, теоретики науки почему-то не проявляют интереса к множеству «точек соприкосновения» «методологического сомнения» в науке с сомнением, проповедуемым античным скептицизмом.

Автор пытается обосновать идею, согласно которой античные скептические философы выдвинули уникальные по тем временам идеи, не имевшие аналогов в предыдущих философских системах, – рефлексии теоретического знания. Одно из незамеченных, по крупному счету, достижений античного скептицизма, на мой взгляд, состоит в открытии природы теоретического знания, не обеспеченного никакими внешними (по отношению к нему) гарантиями своей надежности как инструмента достижения истины. Античные скептики задолго до Юма и Канта выдвинули принципиальное положение, по которому человеческий разум вынужден довольствоваться лишь условными истинами, не имея возможности точно выяснить, являются ли они истинами. Античный скептицизм, содержит, вопреки мнению Гегеля, мощную эвристику, откликнувшуюся намного позже в философии Юма и Канта, – своеобразную критику чистого разума, созданную такими же, как и Кант, по иронии, «критиками чистого разума» античными скептиками. Эвристика античного скептицизма откликнулась также в философии науки, – с ее появления в середине XIX века по настоящее время. Возможно утверждать, что философия науки, представленная позитивистским, историческим, постмодернистским направлениями – это во многом не что иное, как скептицизм, частичный или полный, в отношении научной истины.

Итак, с одной стороны, существуют исследования по античному скептицизму, в которых он представлен как «историко-архивный» феномен большей или меньшей, скорее, меньшей философской значимости без какого-либо намека на эту философию как революционную для своего времени форму философской рефлексии теоретического знания. С другой стороны, имеется множество исследований в области философии науки, рассматривающих скептицизм в науке, но – во многом косвенно и, по преимуществу, безотносительно античного скептицизма. Автор предпринимает попытку целенаправленно рассмотреть скептицизм в качестве античного (и, возможно, первого в мировой интеллектуальной истории) опыта философской рефлексии теоретического знания; античный скептицизм исследуется, помимо прочего, и с точки зрения его связи с традицией философии научной рациональности (философии науки), охватывающей период с середины XIX века по настоящее время.

Объект диссертационного исследования – античный скептицизм как направление в философии и как определенный тип философского мышления; скептицизм эллинистической эпохи, представленный не только собственно скептической школой, но и другими философскими направлениями эллинизма, как ранняя форма рефлексии теоретического знания.

Предмет диссертационного исследования – философская и историческая эволюция античного скептицизма, его наиболее полное и завершенное воплощение в философской деятельности Секста Эмпирика, соотношение и взаимодействие онтологического, гносеологического и этического аспектов античного скептицизма; традиция эллинистического скептицизма как ранней формы рефлексии теоретического знания в ее перспективном отношении к современным эпистемологическим построениям.

Целью диссертационного исследования является выявление специфики античного скептицизма и установление его содержательной аутентичности, места, роли и значения в истории философии и философском мышлении; выяснение и установление корреляции между античным скептицизмом в виде общего «вектора» эллинистической философии как ранней формы рефлексии теоретического знания и современными эпистемологическими концепциями.

Поставленная цель предполагает решение следующих основных задач:

- определить круг античных источников сведений об античном скептицизме и рассмотреть его освещенность в отечественной и зарубежной историко-философской литературе, проследить философские и исторические предпосылки античного скептицизма в допирроновой философии;
- проанализировать философскую и историческую эволюцию скептицизма от Пиррона до Секста Эмпирика, охарактеризовать основные исторические типы античного скептицизма, представленные учениями старших скептиков, академиков и младших скептиков;
- выяснить соотносительность воззрений последнего представителя скептического направления Секста Эмпирика – единственного скептического автора, философское наследие которого дошло до нас, – с учениями его предшественников с точки зрения новаторства его идей;
- реконструировать общую систему античного скептицизма в ее аксиологическом, онтологическом, гносеологическом, антропологическом и этическом аспектах на основе анализа философских трактатов Секста Эмпирика;
- выяснить специфику скептического понятия изостении как методологического принципа и основы философских построений античного скептицизма в его перспективном отношении к современным эпистемологическим концепциям;
- установить соотношение гносеологических идей античного скептицизма, построенных на принципе изостении, с трактовкой фактической жизни философа-скептика, базирующейся на принципе феноменализма;
- проанализировать одно из основных противоречий античного скептицизма: между изостеническим принципом воздержания от постулатов и положительным постулированием атараксии и показать следующую из

этого противоречия парадоксальность этического учения античных скептиков;

- выявить цели, задачи и основные направления скептической критики положительных (или, согласно скептикам, догматических) философских и научных построений и отношение ее к философским конструкциям самих скептиков;

- установив специфику античного скептицизма, выявить его качественную определенность и сформулировать его характеристику как особой формы или типа философствования, определить место, роль и значение античного скептицизма в истории философии и философском мышлении;

- рассмотреть возможность локализации античного скептицизма не только в философском учении Пиррона и его последователей, но и в других философских направлениях эллинизма; выявить скептические элементы стоицизма и эпикуреизма, на основе чего обосновать возможную характеристику античного скептицизма в качестве общей интеллектуальной направленности эллинистической философии;

- проанализировать античный, или эллинистический скептицизм как раннюю форму рефлексии теоретического знания и идейную предтечу современных концептуальных построений в области философии науки;

- установить корреляцию между скептически ориентированными философскими направлениями эллинизма (стоицизмом, эпикуреизмом и пирронизмом) и соответствующими направлениями в современной философии науки (позитивизмом и неопозитивизмом, постпозитивизмом, представленным историческим и постмодернистским направлениями).

Рабочая гипотеза исследования. Понимание одного из основных элементов античного скептицизма – изостении (*ισοσθένεια*) – равносилia противоположных высказываний – в качестве фиксированного равенства противоположностей будет противоречить основной установке скептицизма – ничего не утверждать и не отрицать, – а поскольку равенство противоположных высказываний является определенным утверждением, то его следует, в соответствии с основными скептическими принципами, преодолеть. Такое преодоление возможно, согласно античным скептикам, путем уравнивания самого положения об изостении противоположных утверждений, с одной стороны, с равенством последних, с другой. Иначе говоря, если скептики решили во всем сомневаться и в результате сомнения пришли к изостении, то, для того, чтобы оставаться последовательными, им надо усомниться и в самой изостении, т.е. уравнивать ее с тем равенством, которое она выражает. В этом случае положение, по которому «скептики только ищут» (т.е. ничего не утверждают и не отрицают, а только сомневаются), не будет, с одной стороны, оборачиваться догматизмом, а, с другой стороны, не будет нести в себе внутреннего противоречия, тем самым нейтрализуя один из распространенных аргументов против скептицизма, по которому он является или своего рода отрицательным догматизмом, или

внутренне противоречивым философским построением. В этом заключается одно из существенных отличий скептицизма от традиционных типов и форм философского мышления: скептическая «картина мира» принципиально мобильна и пластична, и, как следствие, скептические философские построения обычно не приводят к каким-либо определенным результатам, но в то же время они открыты для различных точек зрения, и поэтому чужды произвольно и бездоказательно, в конечном итоге, принимаемым положениям, ничего не «выносят» за скобки», благодаря чему видят правоту (как и неправоту) любой философской идеи. Поэтому, скептицизм – это именно поиск истины, а не отрицание возможности ее достижения, как достаточно часто интерпретируется скептическая философия, – не столько одно из направлений в философии, сколько стиль философской рефлексии; в силу чего античный скептицизм может быть охарактеризован в качестве общей интеллектуальной направленности эллинистических философских построений, которая выразилась прежде всего в скептической и протестной настроенности представителей различных школ этого периода по отношению к современной им социальной действительности и своеобразной «внутренней эмиграции» как средстве ее преодоления. Последняя поставила в центр внимания человеческое мышление, проблематизировала истину, дала начало рефлексии теоретического знания, в результате чего античный, или эллинистический скептицизм, традиционно считающийся упадком древнегреческой философии по сравнению с классическим периодом, явился ее принципиальным новаторством, и, намного опередив свое время, предвосхитил многие эпистемологические идеи XX в.: различные скептически ориентированные направления эллинизма удивительным образом перекликаются с современными эпистемологическими идеями.

Теоретико-методологическая база и источники диссертационного исследования. Для решения поставленных задач и реализации цели исследования требуются соответствующие методологические основания. Рассмотрение философских идей скептически ориентированных мыслителей эллинистического периода в указанных выше аспектах осуществляется на основе единства этимологического, логического и исторического подходов, а также принципа системности и некоторых герменевтических приемов (в частности, интерпретации и понимания). При классификации основных типов, или форм античного скептицизма применяется формально-логический метод деления понятия. В диссертации также используется метод историко-философской реконструкции, который включает в себя приемы первичного (при рассмотрении источников) и вторичного (при привлечении различного рода литературы по изучаемой теме) исследования при отборе необходимого материала, методы имманентного интерпретирующего анализа (при анализе философских построений античных скептиков) и компаративистского анализа (при сравнении эпистемологических идей эллинистической, или позднеантичной философии с современными концепциями в области философии науки) и метод синтеза как соединения интерпретированного материала в новом качестве. Кроме того, в исследовании используются

системный, исторический, междисциплинарный подходы, методы историко-философского и историко-социологического анализа.

Источниковую базу диссертационного исследования составляют прежде всего философские трактаты Секста Эмпирика «Три книги пирроновых положений» и «Одиннадцать книг против ученых», знаменитое сочинение Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», а также упоминания о греческих скептиках и их воззрениях в трудах Цицерона, Плутарха, Евсевия Кесарийского, Авла Геллия, Лактанция и Августина Блаженного.

При рассмотрении идейных и исторических предпосылок античного скептицизма и его эволюции в допирроновой философии привлекается собрание фрагментов философов-досократиков Германа Дильса и некоторые сочинения Платона и Аристотеля.

Также рассматриваются упоминания об античном скептицизме в трудах П. Гассенди, М. Монтеня, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Д. Юма, И. Канта, Г. Гегеля, Л. Фейербаха и других философов Нового и Новейшего времени.

Привлекаются исследования об античном скептицизме немецких ученых второй половины XIX – первой половины XX века, основательно изучавших его преимущественно с точки зрения классической филологии, – Э. Целлера, Е. Паппенгейма, А. Гелекемейера, Э. Шульца, М. Гааса и других; сочинения, в той или иной мере затрагивающие классический скептицизм, немецких ученых второй половины XX века У. Буркхарда и В. Шмухера-Хартмана; англоязычных авторов – Дж. Аннас, Дж. Барнеса, Е. Бивена, Н. Макколлы, М. Патрик, Ш. Стог, А. Лонга, А. Несса, Г. Стрикер, Г. Тарранта, Д. Хауса, Б. Мейтса, А. Френкина, Дж. Риста, М. Бернета, Р. Чизолма, Е. Флинтоффа, А. Макмахона, К. Ландесмана, К. Хуквея, К. Нильсена, Р. Попкина, Н. Ричера; франкоязычных авторов В. Брошара, Л. Робина, М. Конше, Ж. Дюмонта и чешского автора К. Янчека.

Автором привлекаются упоминания об античном скептицизме отечественных философов: А.И. Герцена, С.Н. Трубецкого, В.С. Соловьева, Г.Г. Шпета, а также упоминания о нем и о философском скептицизме в целом в контексте сочинений, посвященных историко-философской и общей философской проблематике, – Н.В. Брюлловой-Шаскольской, В.М. Богуславского, Д.В. Джохадзе, А.В. Семушкина, А.Н. Чанышева, В.Ф. Асмуса, Л.А. Микешиной, П.П. Гайдено, Т.И. Ойзермана, А.С. Богомолова, Г.Т. Соловьевой, М.М. Сокольской, Т.Н. Власика, М.Н. Гутлина, Е.С. Сарматина, Г.К. Тауриня, Ф.Х. Кессиди, А.О. Маковельского, С.И. Гончарука, А.А. Гусейнова, М.В. Желнова, Н.З. Парамонова и других.

Научная новизна диссертационного исследования.

– выявлены философские и исторические предпосылки античного скептицизма: в идейном аспекте он представляет собой результат развития скептических тенденций в целом «нескептической» греческой философии доэллинистической эпохи; в историческом аспекте античный скептицизм является философской реакцией на эвдемонистическую и индивидуалистическую специфику эллинизма;

– на основе выделенных этапов эволюции античного скептицизма исследованы его основные формы: интуитивное изостеническое учение Пиррона и Тимона (старшие скептики), интуитивный пробабилizm Аркесилая и рефлексивный пробабилizm Карнеада (академики), рефлексивные изостенические учения Энесидема, Агриппы и Секста Эмпирика (младшие скептики);

– раскрыто философское новаторство Секста Эмпирика: путем распространения сомнения на свои собственные построения он придал скептицизму завершенность и полноту, преодолев противоречие между скептическим постулированием изостении и императивом беспостулатного мышления;

– предложен вариант реконструкции и интерпретации основных элементов античного скептицизма: эвдемонистической аксиологии как его основной философской предпосылки; изостенической гносеологии как оригинального способа поиска истины; феноменалистической онтологии как основы реальной жизни философа-скептика; практической этики как парадоксального преодоления противоречия между системой и методом античного скептицизма (постулированием атараксии и принципом нейтральности мышления);

– установлено, что скептическое понятие изостении представляет собой не предпосылку негативной теории познания, а основание эффективного способа философского мышления, и обретая новое воплощение в различных направлениях философии науки, оно остается актуальным;

– показано, что изостеническая гносеология не противоречит онтологическому феноменализму, но является его предпосылкой, в силу чего скептицизм не сопряжен с пассивностью и бездействием: феноменальный мир вполне признается скептиками в качестве практического ориентира;

– обосновано, что атараксия становится достоянием скептиков не в качестве результата их стремления к ней на основе постижения природы вещей, а произвольно – философ-скептик приобретает атараксию как неожиданное следствие его стихийного воздержания от суждений, или нейтральности его мышления;

– рассмотрена критика античным скептицизмом положительных («догматических») учений, связанная с его изостенической гносеологией; при этом обосновано, что сомнение в базисных тезисах любых интеллектуальных конструкций и их проблематизация подкрепляют скептический тезис о необходимости воздержания от суждений как наиболее приемлемом способе философского мышления;

– выдвинута общая характеристика античного скептицизма как «самосомневающегося сомнения», которое представляет собой диалектическое взаимодействие изостении и феноменализма, в силу чего он является не столько одним из философских направлений, сколько одной из наиболее важных и принципиальных особенностей философского мышления;

– показано, что в силу своей специфики античный скептицизм может быть исторически локализован не только в пирронизме, но и в других

философских направлениях эллинизма, характеризующихся ярко выраженным социально-протестным сознанием, тесно связанным как с эвдемонистическими установками, так и с новыми (по отношению к классическому периоду греческой философии) интерпретациями возможностей теоретического познания;

– обоснована необходимость рассмотрения античного скептицизма как ранней формы рефлексии теоретического знания, невозможности точного установления истины методами теоретического мышления, что связывает античный скептицизм с современной философией науки и пониманием относительности истины;

– установлены корреляции направлений античного (эллинистического) скептицизма с направлениями в философии науки: эпикуреизмом и позитивистским направлением, отдельных аспектов стоицизма с историческим и постмодернистским направлениями; показана соотносительность философских идей пирронизма с постмодернистским направлением.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Античный скептицизм представляет собой завершение и наиболее полное раскрытие многообразных скептических тенденций, широко представленных в греческой «нескептической» философии досократического и классического периодов; в историческом аспекте скептицизм является своего рода философской реакцией на безусловный эвдемонизм эллинистической эпохи, порожденный характерной для нее социально-экономической, политической и культурной нестабильностью.

2. Философская и историческая эволюция античного скептицизма прошла длительный путь от отдельных скептических элементов в допирроновой философии до появления самостоятельного скептического направления, которое хронологически представлено философскими учениями старших скептиков, академиков и младших скептиков и, соответственно, следующими формами, или типами скептицизма: интуитивным изостеническим учением Пиррона и Тимона, интуитивным и рефлексивным пробабилизмом, соответственно, Аркесилая и Карнеада и рефлексивными изостеническими учениями Энесидема, Агриппы и Секста Эмпирика.

3. Последний представитель скептического направления Секст Эмпирик распространил сомнение и на собственные философские построения, тем самым придав скептицизму полноту и завершенность, – в отличие от своих предшественников, выдвигавших утверждения (о непознаваемости вещей, равносильности противоположных суждений и необходимости философского безмолвия), вступающие в противоречие со скептическим требованием воздержания от утверждений.

4. Общая система скептицизма, излагаемая Секстом Эмпириком в «Пирроновых положениях», констатирует бессмысленность суждений, обусловленную их изостенией, которая порождает как сознательный, так и произвольный отказ от них. Воздержание от суждений, своего рода

философское безмолвствие, порождает искомую скептическую атараксию. Вечная неопределенность, вечное неведение, вечное молчание и, наконец, вечная же невозмутимость души – таковы основные контуры интеллектуальных построений скептицизма как вполне оформившегося в процессе длительной эволюции античной мысли философского течения.

5. Одно из достижений античного скептицизма состоит в уравнивании положения об изостении противоположных утверждений с равенством последних: сомневаясь во всем, скептики сомневаются и в своем принципе изостении, в силу чего она представляет собой не основание одного из вариантов отрицательного догматизма, а предпосылку определенного типа не только философского, но и научного мышления, существенный элемент рефлексии теоретического знания, приобретая новую актуальность в контексте становления и эволюции философии науки.

6. Изостеническая нейтральность мышления, вполне приемлемая в качестве теоретической модели, оказывается плохо совместимой с реальной жизнью, в силу чего дополнением и продолжением изостенической гносеологии скептицизма является своего рода онтологический феноменализм, который связан с интерпретацией реальной, или практической жизни философа-скептика, характеризующейся его ориентацией не на недоступную для познания природу вещей, а на доступные их феномены, задающие и образующие единственно возможную и вполне признаваемую скептиками действительность.

7. Скептический принцип воздержания от суждений представляет собой основу для безусловного разграничения рефлексивно-логической и реально-практической областей жизни, которое, в свою очередь, приводит к независимости фактически-событийной сферы от эмоционально-оценочной. В результате философ-скептик избавляется от оценок происходящего и достигает душевной невозмутимости – атараксии, которая, таким образом, является эмоционально-психологическим дополнением и продолжением изостении, так же как и феноменализм представляет собой ее своеобразное онтологическое дополнение.

8. Неотъемлемым элементом скептицизма, тесно связанным с его изостенической гносеологией, онтологическим феноменализмом и атараксией этикой, является систематическая критика положительных учений, направленная на радикальный подрыв оснований любых интеллектуальных построений. Сомнение в тезисах, на которых базируется некая положительная конструкция мысли, делает последнюю проблематичной и ненадежной, тем самым, подкрепляя одно из главных скептических положений о мотивированной возможности философского безмолвия, которое, с точки зрения скептиков, и является наиболее приемлемым способом философствования.

9. Характеризуя философскую оригинальность античного скептицизма, возможно определить его в качестве «самосомневающегося сомнения», представляющего собой диалектическую взаимосвязь изостении и феноменализма, парадоксальное объединение, на первый взгляд,

несовместимых принципов, которое оборачивается вечно ищущим, никогда не удовлетворенным, ни на чем окончательно не останавливающимся мышлением. В силу этого скептицизм можно интерпретировать не только и даже не столько как одно из философских направлений, или традиций, сколько – как определенный и эффективный способ философского мышления, или своеобразный стиль философской рефлексии.

10. Античный скептицизм может быть представлен в качестве общей направленности эллинистической философии. Существенной чертой сходства мыслителей этого периода является специфическое социально-протестное сознание, неизбежно порождающее ярко выраженный социальный скепсис (вряд ли возможный в контексте, например, классического периода греческой философии), обусловивший своеобразную «внутреннюю эмиграцию», которая ознаменовала собой не столько антропологический (как у Сократа), сколько своеобразный экзистенциальный поворот античной философии – поворот к человеку социально не включенному и пассивному, не гражданину и патриоту, а анархисту и космополиту.

11. Эллинистический поворот философии по-новому поставил проблему человека и человеческого мышления: произошло своего рода переоткрытие вопроса об отношении человека и его знаний к реальному миру, о природе истины; в силу чего философия этого периода, помимо всего прочего, явилась рефлексией теоретического знания и во многом предвосхитила современные эпистемологические концепции. Различия между скептически ориентированными философскими направлениями эллинизма, очевидные и принципиальные для своей эпохи, в исторической перспективе все более стираются, а на первый план выступают черты их сходства, особенно принципиальные для рассмотрения диалога между эпохами, разделенными приблизительно двумя тысячами лет.

12. Вполне прослеживается связь античного скептицизма с философией науки, т.к. различные направления в ней объединились, подобно эллинистическим философским течениям эллинизма, вокруг идеи, согласно которой теоретическое мышление добывает знания, но не истину в ее классическом понимании. Эта идея роднит между собой концепции философии науки с направлениями античного, или эллинистического скептицизма: эпикурейские построения могут быть в ряде своих принципиальных положений соотнесены с позитивистскими идеями; некоторые аспекты стоического учения отчасти перекликаются с историческим и постмодернистским направлениями; философия Пиррона и его последователей может быть представлена в качестве отдаленного предшественника постмодернистских концепций.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что диссертация восполняет пробел в проблемном поле исследований по истории философии. В предлагаемой работе осуществлен обладающий самостоятельной ценностью историко-философский анализ, который способствует лучшему пониманию античного скептицизма и

помогает более адекватно оценить, его место, роль и значение в истории философии и философском мышлении. Диссертация способствует открытию новых исследовательских перспектив: ее содержание и выводы могут использоваться в дальнейших работах, посвященных изучению эллинистической философии, античной философии в целом и философии науки.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении учебных курсов для студентов и аспирантов по философии, истории философии, философской антропологии, истории и философии науки, спецкурса по истории античной философии, а также привлекаться при подготовке курсов по культурологии, логике, психологии и всеобщей истории.

Апробация диссертационного исследования. Апробация работы осуществлялась на протяжении нескольких лет при чтении спецкурса по истории античной философии студентам Московского педагогического государственного университета (МПГУ) и Московского психолого-социального института (МПСИ). Материалы диссертации использовались автором при создании учебных пособий по философии. Основные положения и выводы исследования получили свое освещение в научных публикациях автора, а также в следующих его выступлениях: с докладом «Изостения, феноменализм и атараксия в античном скептицизме» на IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 24–28 мая 2005 г.), с докладом «Этический идеал атараксии в скептической философии Секста Эмпирика» на Международной научно-практической конференции ученых МАДИ (ГТУ), МСХА, ЛНАУ (11–12 января 2005 г.), с докладом «Критика догматической философии в античном скептицизме» на Международной научно-практической конференции ученых МАДИ (ГТУ), МСХА, ЛНАУ (15–16 июня 2005 г.), с докладом «Скептицизм и преподавание философии» на Международной научной конференции «Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов» (Москва, 2–4 октября 2008 г.), с докладом «Современное общество и философия науки в ретроспективе идей античного скептицизма» на VI Межвузовской научной конференции «Ценностные ориентиры общественного развития России» (Москва, 24–25 марта 2010 г.), с докладами «Античный скептицизм как тип философского мышления», «Интерпретации античного скептицизма в зарубежной историко-философской литературе конца XIX–XX вв.», «Античный скептицизм как рефлексия теоретического знания», «Античный скептицизм в перспективе становления и эволюции философии науки» на ежегодных научных чтениях МПГУ по итогам научно-исследовательской работы соответственно за 2006, 2007, 2009, 2010 гг. Концепция диссертации обсуждалась на заседаниях кафедры философии МПГУ и на заседаниях кафедры социально-гуманитарных дисциплин МПСИ.

Структура и объем диссертации. Структура диссертации определяется замыслом и логикой исследования, подчинена последовательному решению

поставленных задач. Работа состоит из введения, трех глав, четырнадцати параграфов, заключения и библиографического списка, включающего 302 наименования литературы на русском и иностранном языках. Общий объем диссертации составляет 387 страниц машинописного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цель и задачи диссертации, формулируется рабочая гипотеза исследования, приводится характеристика теоретико-методологических оснований работы и указываются ее источники, освещается научная новизна исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научно-теоретическая и практическая значимость работы, приводятся данные по апробации результатов исследования.

В первой главе «Философская и историческая эволюция античного скептицизма» рассматривается круг источников сведений об античном скептицизме и посвященной ему историко-философской литературы, в которой представлены основные направления в его изучении и тенденции его интерпретации, а также прослеживается идейная и историческая эволюция античного скептицизма, явившегося, с одной стороны, определенным результатом отдельных скептических тенденций в развитии греческой философии от досократического до эллинистического периода; а, с другой стороны, представляющего собой интеллектуальную реакцию на появление эвдемонистической ориентации эллинизма.

В первом параграфе первой главы «Источники по философии и истории античного скептицизма и его освещенность в историко-философской литературе» обозначается круг источников по истории и философии античного скептицизма, которые могут быть разделены на две группы. Первая – это источники сведений о проявлениях скептицизма в допирроновой философии. К ним относятся собрание фрагментов философов досократиков Г.Дильса, диалоги Платона «Кратил», «Тезетет» и «Тимей», сочинения Аристотеля «Метафизика» и «Топика», первая книга «Пирроновых положений» Секста Эмпирика и седьмая книга его трактата «Против ученых», сочинение Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» и трактат Цицерона «О философии Академии». Вторая группа источников – это античные свидетельства о самом скептическом направлении греческой философии. К ним относятся 14-я книга сочинения Евсевия Кесарийского «Приготовление к Евангелию», пятая книга Лактанция «Божественное устройство», «Исповедь» Блаженного Августина, произведение Авла Гелия «Аттические ночи», «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, философские трактаты Цицерона «Об ораторе», «Тускуланские беседы», «О природе богов», «О философии Академии», а

также четвертая и девятая книги вышеупомянутого сочинения Диогена Лаэртского.

Философские трактаты Секста Эмпирика – последнего и наиболее выдающегося представителя античного скептицизма – являются в контексте исследования одним из самых принципиальных источников. Если от его предшественников не осталось почти никакого письменного наследия, то сочинения Секста дошли до нас в значительном объеме. Это трактат «Три книги пирроновых положений», являющийся изложением общетеоретического скептицизма и одиннадцать книг, объединенных в трактат «Против ученых», направленный на систематическую критику отдельных античных наук. Круг источников по истории и философии античного скептицизма незначителен, но в целом достаточен для его полноценного историко-философского исследования и реконструкции.

В первой главе также рассматривается освещенность античного скептицизма в историко-философской литературе и анализируются основные тенденции его интерпретаций. Автор отмечает отсутствие, по большому счету, каких-либо значительных концептуальных разногласий относительно античного скептицизма. Довольно часто встречается то или иное психологическое отношение к нему: кому-то он чужд и неприемлем, кому-то близок и симпатичен, и этот эмоционально-практический взгляд на философское учение античных скептиков широко распространен, если даже не является преобладающим. В целом наблюдается единодушие мнений и оценок: скептицизм есть сомнение в познавательных возможностях и даже отрицание каких-либо позитивных данных, представляет собой гносеологический пессимизм.

Принципиальное исследовательское внимание уделили античному скептицизму немецкие авторы рубежа XIX–XX вв. (Целлер, Паппенгейм, Штейдлин, Филлипсон, Гедекемейер, Шульц и другие). В их работах античный скептицизм рассматривается преимущественно в аспекте классической филологии и поэтому последние не представляют собой собственно историко-философских исследований. В этом ряду наиболее выдающимся трудом является книга Р.Рихтера «Скептицизм в философии», в которой дается обстоятельное изложение греческого скептицизма и проводится его анализ в историческом, философском, филологическом и историографическом аспектах.

Несколько принципиальных трудов, посвященных античному скептицизму, можно найти в англоязычной научной литературе второй половины XIX – первой половины XX вв. (Бивен, Маккол, Патрик, Бернет). Несмотря на обстоятельность изложения, а также обширность представленного в них материала, указанные работы носят по преимуществу компилятивный и констатирующий (описательно-позитивистский) характер. Та же тенденция характерна и для зарубежной литературы об античном скептицизме второй половины XX в. Произведения о скептицизме носят в основном либо констатирующе-описательный характер, либо негативно-

оценочный. Нередко встречаются не вполне корректные или даже откровенно превратные его интерпретации (Б.Мэйтс, Б.Рассел, К.Янчек, С. Смит, Г. Стрикер, К. Хуквей, М. Бернет). Кроме того, достаточно часто скептицизм представляется в качестве отрицательного догматизма, или нигилизма (Дж. Аннас, Дж. Барнеса, Д. Рист, Д. Хаус, А.Несс).

В русской дореволюционной историко-философской литературе нет ни одного сочинения (монографического характера), целиком посвященного исследованию античного скептицизма; в ней содержатся также, по преимуществу, отрывочные, фрагментарные упоминания о нем (А.И.Герцен, С.Н.Трубецкой, В.С.Соловьев, Г.Г.Шпет). В новейшей отечественной литературе фрагментарные упоминания об античном скептицизме содержатся в работах Д.В.Джохадзе, И.Д. Рожанского, А.Б.Рановича, А.Н.Чанышева, В.Ф.Асмуса, А.С.Богомолова, В.М.Богуславского, Н.З.Парамонова, Т.И.Ойзермана и других авторов. Исключение составляет большой раздел об античном скептицизме в фундаментальном труде А.Ф.Лосева «История античной эстетики», который характеризуется обстоятельностью изложения основных идей античного скептицизма и попыткой всестороннего его анализа.

Таким образом, круг литературы об античном скептицизме достаточно узок, связанная с ним проблематика представляет серьезный пробел в историко-философских исследованиях, как отечественных, так и зарубежных.

Во втором параграфе первой главы «Философские и исторические предпосылки античного скептицизма» рассматриваются более или менее отчетливо выраженные элементы, тенденции и проявления философского скепсиса в греческой доэллинистической философии. Скептические тенденции присутствовали в большей или меньшей степени в греческой философии задолго до оформления в ней самостоятельной скептической традиции. Античный скептицизм постепенно вызревал в процессе длительной предыстории догматической (по скептикам) философии. Само появление философии в Древней Греции приблизительно в VI в. до н.э., движение от «мифа к логосу» было сопряжено со значительным сомнением: зарождающаяся философия, объясняя по-своему мир, с одной стороны, стремилась к пониманию и просветлению, пыталась дойти «до самой сути» вещей и событий, но, с другой стороны, любовь к мудрости делала прежде простое непростым, знакомое – незнакомым, понятное – непонятым, и тем самым не могла не провоцировать сомнения, скептического умонастроения.

Отход милетских философов и Пифагора от народной религии и мифологии и само противостояние их основных философских позиций; недоверие чувственному познанию и признание недостоверности эмпирической картины мира у элеатов; всеобщая текучесть вещей и мировой Хаос как единственно возможное воплощение всеобщей неизменности и мирового Логоса у Гераклита; бесконечное, периодическое соединение и разъединение четырех стихий у Эмпедокла и вечное движение гомеомерий у Анаксагора; чувственная иллюзорность и сущая неподлинность вещей,

представляющих собой всего лишь ту или иную временную комбинацию атомов у Демокрита; релятивизм и агностицизм старших софистов; отказ от космологии как безнадежного философского занятия, сосредоточение на самопознании, пренебрежение к авторитетам, индивидуальный, непрекращающийся этический поиск у Сократа и основных представителей сократических школ; материальное «дно» мира у Платона и Аристотеля, которое, несмотря на незыблемые идеи или вечные формы, обуславливает относительность вещей и непредсказуемость становления – все это можно рассматривать в качестве результата существенного стихийно-скептического и диалектического миропонимания древних греков. Поэтому появление скептицизма как самостоятельного философского направления является своего рода завершением всех предыдущих учений о вероятностных гранях бытия, и скептикам оставалось сосредоточить свое внимание именно на вероятностном миропонимании, всесторонне обосновать и разработать его.

В историческом аспекте философский скептицизм был порожден эллинистической эпохой, которая характеризовалась крайней социально-экономической, политической и психологической неустойчивостью, потерей интегральных элементов общественной жизни, отсутствием для индивида всяких внешних гарантий и, как результат, его самоуглублением и экзистенциальной направленностью; скептицизм наряду с эпикуризмом и стоицизмом стал одной из основных духовных моделей эллинизма.

В третьем параграфе первой главы «Философская и историческая эволюция античного скептицизма от Пиррона до Секста Эмпирика» прослеживается идейная эволюция античного скептицизма в качестве самостоятельного философского направления, которая может быть представлена тремя основными этапами.

1. Скептицизм Пиррона и Тимона (старших скептиков), которые полагали, что вещи непознаваемы в силу всеобщей их относительности, вследствие чего необходимо воздержаться от всяких суждений о них. Это воздержание, по их мнению, неизбежно порождает атаксию (невозможность) – главный результат философского скепсиса. Однако в реальной жизни, отмечали старшие скептики, воздержание невозможно, и поэтому скептический философ должен жить, ориентируясь на феномены вещей, но помнить о вечной сокрытости последних, что и сделает его невозмутимым. Скептицизм Пиррона и Тимона является не столько рационально разработанным, сколько стихийным или интуитивным философским явлением. Поскольку одним из центральных элементов их воззрений является принцип изостении (равносилia) противоборствующих суждений, на котором и строится императив воздержания, то учение старших скептиков возможно охарактеризовать в качестве интуитивно-изостенического скептицизма.

2. Скептицизм академиков Аркесилая и Карнеада, которые смягчили тенденции релятивизма старших скептиков, введя в свое учение конструктивный элемент вероятности, степень которой и должна быть, по их мнению, критерием большей или меньшей достоверности. Причем

Аркесилай призывал ориентироваться в поиске истины на полезность вещей, а Карнеад – на всестороннюю проверенность впечатлений. Таким образом, академический скептицизм представлен интуитивно-вероятностным учением Аркесилая и рефлексивно-вероятностным – Карнеада.

3. Скептицизм Энесидема, Агриппы и Секста Эмпирика (младших скептиков), представляющий собой возрождение пирронического скептицизма, но уже не в интуитивной, а в рациональной форме, в силу чего он может быть охарактеризован в качестве рефлексивно-изостенического скептицизма. Энесидем разработал 10 тропов (доказательств) против положений о достоверности чувственного познания, и Агриппа – 5 тропов – против рационального. От сочинений как старших, так и академических, так и младших скептиков до нас ничего не дошло, за исключение двух значительных трактатов Секста Эмпирика (последнего скептика), которые представляют собой сводку всех скептических учений и идейный итог всей исторической и философской эволюции греческого скептицизма. Секст Эмпирик придал философскому скептицизму полную или абсолютную форму, заявив, что сомневается и в своих собственных воззрениях, что было однако не софизмом, но вполне нетрадиционным, оригинальным и диалектичным философским решением.

Если воззрения старших и младших скептиков близки друг другу общими позициями изостенизма и иррелевантности, то академический скептицизм значительно отличается от них тем, что выдвигал и разрабатывал конструктивно-положительный критерий – вероятность. Вопрос о соотношении скептического учения Пиррона и скептицизма академиков не поддается однозначному решению: академический скептицизм возможно рассматривать и как определенный этап в эволюции античного скептицизма в целом, и, кроме того, пирронизм и академический скептицизм можно трактовать как две достаточно автономные линии древнегреческого скептицизма, которые можно охарактеризовать как крайнюю и умеренную.

В четвертом параграфе первой главы «Исторические и философские судьбы античного скептицизма» обозначаются контуры исторических судеб античного скептицизма, который проявившись в своей полной форме в философии Древней Греции, сделал своим приверженцем Цицерона в Риме, а также молодого Августина из Тагаста – впоследствии отнюдь не скептического автора. Преданный забвению в Средние века, скептицизм возродился на заре Нового времени в трудах М.Монтеня, который часто ссылался в своих «Опытах» на Секста Эмпирика и заимствовал аргументацию из его сочинений. Также необычайно симпатизировал скептицизму П.Гассенди, считавший пирронизм наиболее достойным способом философствования. Чрезвычайно близок скептицизму Д. Юм, полагавший, что последовательно мыслящему философу не остается ничего, кроме сомнения и ощущения всеобщей неопределенности. Скептический корень имеют такие направления философии Нового и Новейшего времени как позитивизм, который отказывается от поиска интегральных оснований бытия, полагая их необнаружимыми, и прагматизм, ориентирующий на

гносеологический субъективный произвол, результатом которого является та же сокрытость действительной картины вещей. В предшествующие античности и последовавшие за ней эпохи скептицизм никогда не был автономным направлением в философии или самостоятельной школой, но тем не менее составлял существенный компонент в истории философской мысли.

Знаменитая буддистская тетралемма; «суета сует» Экклезиаста; слова Пифагора о том, что он не мудрец, но только философ; релятивизм и агностицизм греческих софистов; сократовское знание о незнании; тропы философского воздержания Секста Эмпирика; апофатическая теология Средних веков; «идолы» Ф.Бэкона, «поток впечатлений» Д.Юма; кантовская «вещь в себе»; иррационализм философии жизни; позитивистский отказ от поиска метафизических оснований; субъективистское сосредоточение в прагматизме; герменевтические попытки преодолеть границы сознания с помощью сознания же; безысходная, трагическая обреченность человека в экзистенциализме – все это и многое другое не есть ли вполне определенное признание человечества самому себе в ограниченных возможностях разума и огромной роли, если не господстве, сомнения в философском мышлении.

Таким образом, значение скептицизма в философии довольно трудно переоценить, поскольку он представляет собой не фрагмент философского мышления, но один из наиболее принципиальных и характерных его параметров.

Во второй главе «Структура античного скептицизма: основные разделы философского учения» рассматриваются основные философские разделы античного скептицизма, который представляет собой одну из эвдемонистических философских моделей, в силу чего антропологическая составляющая скептической философии является приоритетной перед его гносеологическим и онтологическим аспектами: провозглашение этического идеала атараксии (невозмутимости души), для поиска и обоснования которой скептики выстраивают определенные гносеологические и онтологические идеи, является исходным пунктом античного скептицизма.

В первом параграфе второй главы «Общая философская система античного скептицизма» рассматриваются аксиологические предпосылки античного скептицизма и его общая философская система. В самом начале своего трактата «Пирроновы положения» Секст Эмпирик обозначает исходный пункт, а также цель своего философствования, которой является душевная невозмутимость (атараксия). Получается, что онтология и гносеология скептицизма в этом смысле лишены отчетливо выраженного философского статуса и служат задаче обоснования невозмутимости.

Однако если вся система скептицизма строится на «надежде на невозмутимость», то можно ли говорить о том, что он является определенным философским течением, а не просто настроением эпохи или своеобразной, не умственной даже, а всего лишь психологической модой? В данном случае следует отметить, что скептицизм на пути к поставленной

цели затрагивает не только этические, но и онтологические, и гносеологические вопросы.

Стремясь к невозмутимости и начиная с этой целью исследование природы вещей, скептик прежде всего видит то, что последние неизбежно дистанцированы от него и в конечном счете недоступны познанию. Мы имеем дело с явлениями, а не с вещами, а о явлениях можно высказывать как положительные, так и отрицательные суждения, одни из которых будут более достоверными, чем другие. Таким образом, скептики развивали мотив, который был затронут мыслителями предыдущего периода (софисты и Сократ), неоднократно повторялся в последующие эпохи (Д. Беркли, Д. Юм, И. Кант), и по сей день остается одним из возможных векторов философской мысли (неопозитивизм, прагматизм, феноменология, герменевтика, экзистенциализм).

Общая система скептицизма, в различных вариациях излагаемая Секстом Эмпириком в «Пирроновых положениях», в качестве одного из основных своих элементов констатирует бессмысленность суждений, обусловленную их постоянной и непреодолимой равносильностью, которая порождает как сознательный, так и произвольный отказ от них. Воздержание от суждений, своего рода философское безмолвие, порождает искомую скептическую атараксию. Вечная неопределенность, вечное неведение, вечное молчание и, наконец, вечная же невозмутимость души – таковы основные контуры интеллектуальных построений скептицизма как вполне оформившегося в процессе длительной эволюции античной мысли философского течения.

Во втором параграфе второй главы «Изостения как основа скептической гносеологии: постулаты чувственного и рационального скептицизма» рассматривается скептическая гносеология, построенная на принципе изостении противоположных суждений и представляющая собой оригинальную и обширную систему доказательств (тропов) невозможности достоверного познания внешней действительности. Секст Эмпирик подробно характеризует 15 тропов, десять из которых рассматривают чувственное познание и пять – рациональное. Учение о тропах является наиболее ярким и оригинальным разделом греческого скептицизма, которое и по сей день сохраняет свою философскую значимость и актуальность.

Общая идея всех тропов состоит в том, что познаваемый нами мир представляет собой грандиозный релятивистский конгломерат составляющих его частей, в котором любая вещь воспринимается не сама по себе, но в обширном контексте ее связей с другими вещами и даже в неразрывном с ними единстве. Последние же являются своего рода искажающими истинную картину исследуемой вещи инстанциями, в силу чего одни и те же предметы представляются нам совершенно различными, являются в бесчисленном количестве своих модусов, но только не в качественной своей определенности или аутентичности, почему мы и можем сколько угодно говорить о том, что нам кажется, т.е. о явлениях предметов, но только не об

их сущности, не о самих предметах, которые навсегда остаются для нас тайной.

Достаточно часто эту скептическую идею интерпретировали как агностицизм или нигилизм. Диссертант отмечает, что в своих сочинениях Секст Эмпирик вскрывает трудности, связанные с познанием, фиксирует основные гносеологические проблемы, критикует поспешность и самонадеянность своих коллег, ставит массу вопросов, обнаруживающих специфику, масштаб и условия познания, но никаким определенным образом на них не отвечает, ничего однозначно не утверждает, и поэтому, в конечном счете, обвинить его в какого-либо рода догматизме невозможно.

Третий параграф второй главы «Феноменализм как дополнение изостении и основание фактической жизни философа-скептика» посвящен рассмотрению проблемы воплощения изостенично-теоретических установок античного скептицизма в действительной жизни скептика. При всей теоретической стройности и философской обоснованности принципа изостении он не лишен одного существенного возражения. Оказывается, что изостения и воздержание, как таковые, трудновоплощаемы, т.е. реальная жизнь оказывается несовместимой с этой теоретической установкой: практическая реализация изостении означала бы элиминацию самой жизни, равно как последняя в принципе исключает изостеническую установку.

Это затруднение скептики пытаются преодолеть с помощью положения, согласно которому, несмотря на изостению противоположностей и тотальное воздержание, жить можно, и даже единственно возможно, опираясь на явления, а не на сами вещи: если мы ничего не знаем и не можем знать о последних, то стоит ли из-за этого отказываться от самой жизни? Если нам совершенно недоступны вещи, то их явления находятся вполне в нашей власти и потому могут и должны служить для нас опорой, критерием и ориентиром.

Таким образом, опора на явления неизбежно следует из основного скептического тезиса о равносильности суждений и невозможности практического его воплощения, т.е. обязательным дополнением и продолжением скептической изостенической гносеологии является своего рода онтологический феноменализм, который представляет собой второе основание скептической философии, но является уже не чисто теоретической конструкцией, как изостения, а основанием реальной жизни философа-скептика.

Если скептики решили во всем сомневаться и в результате сомнения пришли к изостении, то, для того, чтобы оставаться последовательными, им надо усомниться и в самой изостении, т.е. уравнивать ее с тем равенством, которое она выражает; и в этом случае положение, по которому «скептики только ищут» (т.е. ничего не утверждают и не отрицают, а только сомневаются), не будет, с одной стороны, оборачиваться догматизмом, а, с другой стороны, не будет нести в себе внутреннего противоречия, тем самым нейтрализуя один из распространенных аргументов против скептицизма, по

которому он является или своего рода отрицательным догматизмом, или внутренне противоречивым философским построением.

В четвертом параграфе второй главы «Этика атараксии в контексте скептической изостении и феноменализма» на основе рассмотрения путей достижения скептической атараксии анализируется эτικο-психологический аспект античного скептицизма.

Для достижения невозмутимости скептики открыли изостению и следующее из нее воздержание от суждений, которое, в свою очередь, и приводит к искомой атараксии души. Однако изостения, как основной принцип скептицизма строится на исключении любого постулирования – главное – ничего не утверждать и не отрицать. Любой выбор будет нарушением изостенического равновесия и обернется крушением скептицизма. Последний постулирует атараксию вполне определенно, а потом для ее достижения строит систему, основным принципом которой является отсутствие любого постулирования. Получается, что в телеологической части скептицизм возводит то, что подлежит уничтожению в методологической части: цель противоречит методу и наоборот. Таким образом, скептицизм попадает в плен порочного круга, наличие которого Секст Эмпирик вполне понимает и предлагает своеобразный способ его преодоления. Он отмечает, что со скептиками произошло то же самое, что и с античным живописцем Апеллесом. Последний рисовал лошадь и старался изобразить ее пену, но у него ничего не получалось; отчаявшись, Апеллес в сердцах бросил в картину губку, которой обыкновенно снимал с кисти краски и губка, коснувшись холста, воспроизвела на картине подобие пены. Провозгласив своим идеалом невозмутимость и стремясь к ней, скептики натолкнулись на противоречие: невозмутимость постулируется, а какое-либо постулирование несовместимо со скептицизмом. Не будучи в состоянии двигаться дальше, они остановились в бездействии, в результате которого неожиданно для себя обрели атараксию. Таким образом, невозмутимость достигается скептиками, во многом, произвольно; и так же стихийно, по большому счету, они открыли для себя и изостеническую природу вещей, и воздержание от суждений. Впоследствии все это было оформлено в логические категории и стало рациональной системой, но первоначальное рождение скептицизма во многом было не результатом определенной рефлексии и рационального поиска, а продуктом вполне интуитивного и парадоксального эффекта. Последний состоит в том, что в силу принципа изостении между рефлексивно-логической и реально-практической сферами человеческой жизни пролегает непреодолимая граница, которая с необходимостью отделяет, в свою очередь, фактически-событийную сферу от эмоционально-оценочной; полное отсутствие оценки происходящего и какого-либо отношения к нему, абсолютная бессмысленность и, следовательно, элиминация как положительных, так и отрицательных эмоций и образует искомую скептицизмом атараксию души.

Эмоциональная нейтральность является, по мнению скептиков, несомненным эвдемонистическим достоянием, которое, таким образом,

зависит не от внешних вещей, но от самого человека. В этой идее эвдемонистической субъективности скептики не были новаторами, однако философская оригинальность их учения заключается в новой интерпретации субъективной автономности эвдемонии.

В пятом параграфе второй главы «Античный скептицизм как самосомневающееся сомнение» автор предлагает характеристику античного скептицизма как типа философского мышления.

В «Пирроновых положениях» Секст Эмпирик отмечает, что скептик высказывает свои положения так, что по своему смыслу они сами себя упраздняют; рассуждая о скептических тропах, он говорит, что возможно они несовершенны. Важная аналогия Секста, иллюстрирующая скептическое сомнение, которое само себя подрывает, – это огонь, который, уничтожая те или иные вещи, существует только до тех пор, пока они не сгорели. Как только это произошло, погас и сам огонь; поэтому и скептическое положение о невозможности определенных суждений нисколько не теряет оттого, что оно разрушило все положения, а само будто бы осталось; оно тоже погибло вместе с разрушенными им тезисами. Таким образом, скептицизм Секста Эмпирика представляет собой такое всеобщее сомнение, которое сомневается и в самом себе, но при этом отнюдь не вырождается ни в положительную догматическую систему, ни в какой-либо абсурд, но, напротив, не выстраиваясь в определенную структуру взглядов, является своеобразным, вполне оригинальным и достаточно эффективным способом философского мышления. Это своеобразное самосомневающееся сомнение Секста Эмпирика как завершающая стадия в философской и исторической эволюции античного скептицизма и составляет концептуальное ядро последнего, на основании которого вполне преодолевается утверждение о наличии в скептическом учении отрицательного догматизма и требование отказать скептицизму в наличии философской оригинальности.

Автор подчеркивает, что всеобщее отрицание не является подлинным духом скептицизма. Положительной, или догматической (как говорят скептики) философии скептицизм противопоставляет не отрицание ее идей и построений, но всего лишь критику ее основоположений. «Реальное философское мышление..., – отмечает Л.А. Микешина, – нуждается в скептицизме как «интеллектуальной прививке» против догматизма. Мыслящий, познающий человек обретает способность к сомнению, скепсису и самоиронии с необходимостью, и это одно из фундаментальных его свойств, укрепляющих к нему доверие, а не разрушающих его способность познавать действительность, которая вовсе не покоится на догматической, несомневающейся позиции»¹. Предметом скептической критики является не философия как таковая, а те рациональные положения, которые пытаются сделать ее базисом. Согласно одной из основных скептических идей

¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 161-162.

познание истины невозможно без опосредующей роли самосознания и самопознания, а также – критики самих условий и результатов гносеологической деятельности (это обстоятельство, несомненно, в значительной степени роднит скептицизм с критицизмом и дает лишнее основание отказаться от положения о его близости к агностицизму и релятивизму).

В третьей главе «Соотнесенность античного скептицизма с современными концепциями теоретического знания» автор предпринимает попытку представления античного скептицизма в качестве общей направленности эллинистической философии, на том основании, что существенной чертой сходства мыслителей этого периода является специфическое социально-протестное сознание, неизбежно порождающее ярко выраженный социальный скепсис (вряд ли возможный в контексте, например, классического периода греческой философии). Эллинистический поворот философии по-новому поставил проблему человека и человеческого мышления, в силу чего философия этого периода, помимо всего прочего, явилась рефлексией теоретического знания и во многом предвосхитила современные эпистемологические концепции.

В первом параграфе третьей главы «Античный скептицизм как общая направленность эллинистической философии и инновация в древнегреческой философской традиции» на основе вышеприведенной характеристики античного скептицизма как самосомневающегося сомнения, с силу которой он может быть рассмотрен не столько в качестве одной из философских систем, определенного направления, или течения в философии, но – скорее – типа мышления, или своеобразного стиля философской рефлексии, автор обосновывает возможность достаточно нетрадиционно рассмотреть вопрос о локализации такого явления как античный скептицизм не только в пирронизме, но и – в других философских учениях эллинизма.

Само появление скептицизма указало на факт серьезных изменений в древнегреческой философской традиции, и, шире, – социальной истории. Античный скептицизм – интеллектуальное явление эллинизма и поэтому он может характеризовать все философские направления, которые существовали в эту эпоху. Возможно утверждать, отмечает автор, что эллинистический скептицизм представлен не только собственно скептическим направлением, но и стоицизмом, эпикуреизмом и кинизмом. Античный скептицизм в различных направлениях эллинистической философии явился своеобразной философской инновацией, поскольку эти направления при всех различиях и разногласиях между собой во многом сосредоточились на проблеме отношения мышления и истины к внешнему миру. Рефлексия по поводу истины, возведенная на уровень философии, представляет собой одну из существенных особенностей эллинистической мысли.

Положение, согласно которому скептическими философами можно назвать не только Пиррона и его последователей, но также, стоиков, эпикурейцев и киников, вполне может вызвать возражение, ведь традиционно в историко-философской литературе, посвященной эллинизму,

стоицизм, эпикуреизм, кинизм и скептицизм рассматриваются именно как различные философские школы, или направления, полемизирующие и идейно конкурирующие друг с другом. Однако наряду с чертами различия философских направлений находятся и черты сходства. В историко-философской литературе такими чертами сходства стоического, эпикурейского, кинического и скептического учений справедливо называется их общая эвдемонистическая направленность: различные философские школы эллинизма, в силу определенных социально-исторических условий, стремились создать эффективную модель индивидуального выживания (прежде всего духовного) в жестоком и враждебном человеку мире. Таким образом, связующим звеном умонастроений и, как следствие, учений различных эллинистических философов является специфическое социально-протестное сознание, неизбежно порождающее ярко выраженный социальный скепсис, который вряд ли был бы возможен в контексте, например, классического периода греческой философии.

Эта общая для всех эллинистических философов социально-протестная и скептическая интеллектуальная ориентация обусловила своеобразную «внутреннюю эмиграцию», которая ознаменовала собой не антропологический даже, а скорее своеобразный экзистенциальный поворот античной философии, – поворот к человеку социально не включенному и пассивному, не гражданину и патриоту, а анархисту и космополиту. Не удивительно, что такого рода поворот философии по-новому поставил в ней проблему человека и человеческого мышления, произошло своего рода переоткрытие вопроса об отношении человека и его знаний к реальному миру, о природе истины; в силу чего эллинистическая философия, помимо всего прочего, явилась рефлексией теоретического знания и во многом предвосхитила современные эпистемологические концепции.

Во втором параграфе третьей главы «Социально-психологическая ситуация эллинизма и скептические элементы стоической теории познания» рассматривается исторический и философский «контекст» эллинистической эпохи, объясняется и обосновывается неизбежность появления как социально-политического, так и философского скепсиса на примере гносеологических и этических идей такого «нескептического», на первый взгляд, направления эллинистической философии, как стоицизм.

Теоретическое мышление в политических условиях полисной демократии, не испытывая ощутимого давления политической системы, вполне могло дойти до самой идеи общественного блага, т.е. блага причастности индивида общественной жизни; в обществе, где человек ощущает свои созидательные возможности, теоретическое мышление способно подняться до больших высот в понимании мира, человека, общества и предложить масштабные проекты по усовершенствованию общественной жизни. Это раскрепощенное теоретическое мышление и породило древнегреческих титанов философии.

Мыслители эллинистического периода, проникнутые скепсисом в отношении способности разума «править миром», стали поборниками

прагматического, «прикладного» интеллекта, реализующегося не в абстрактно-теоретических системах мироздания и должного общественного устройства, а в «технологии» социального выживания. Отсюда и эллинистическое «снижение уровня» философии.

В этом смысле показательно, например, то, что стоики не превозносят разум сам по себе, как то, чему целиком принадлежит истина, не требующая в этой своей принадлежности никаких обоснований; для них истина возникает в результате отношения интеллекта к воспринимаемой извне предметности. Так, по свидетельству Секста Эмпирика, стоики говорят, что истина рождается в интеллектуальной оценке человеком его непосредственных восприятий, она не находится ни во внешней интеллекту предметности, ни в интеллекте, но именно появляется в акте согласия интеллекта с тем, что некая существующая предметность такова. Таким образом, истина перестала быть тем, что «есть», и стала тем, что нужно доказывать. Задача же доказательства истины – это задача уже не философского, а научного мышления в современном смысле слова, независимо от того, как понимается истина вплоть до понимания ее как фикции или условности. Стоики, задавшись вопросом о критерии истины, тем самым обнаружили себя скептиками в отношении истины как того, что «есть», или реально существует; они совершили революционный переход от философского мышления к научному мышлению, нацеленному уже не на «открытие» истины в свободном полете философского воображения, а на ее нелегкое доказательство. В современной науке с ее мощным теоретическим аппаратом «объективность» означает не столько совпадение с «объективной реальностью», сколько доказанность-определенность, достижимую в основном усилиями теоретического мышления, в которых и рождается то, что на данный момент можно считать истиной, и что не гарантировано от опровержения в будущем.

Во многом как раз таким образом, т.е. по канонам научного мышления, и решали проблему критерия истины стоики: нечто становится истинным, когда переходит из состояния просто существования в состояние определенного (доказанного) существования, т.е. уже содержащего оценку самого себя. Стоики не знали науки в том виде, в каком знали ее позитивисты. Однако поняв, что «объективная реальность» существует для нас только как «образ», притом на уровне нашего отношения к нему, они тем самым и подвели философию к порогу, с которого для теоретического мышления открылась новая перспектива – теоретического моделирования как поиска и одновременно доказательства истины. Таким образом, они обозначили сам путь в методологию науки и модель научного мышления, которое занимается тем, что теоретически определяет истину с первоначального момента незнания предмета до его знания (понимания и объяснения) в заключительном акте (по стоикам) «согласия мышления с самим собой».

В третьем параграфе третьей лавы «Второе рождение» скептических элементов стоической теории познания в

постпозитивистской философии науки XX в.: неисторический (античный) и исторический (современный) мышления» рассматриваются эпистемологические идеи стоической философии в их соотнесенности с историческими и постмодернистскими концепциями теоретического знания.

Известное положение Т.Куна о скачкообразном научном развитии – через научные революции, приводящие к смене парадигм, было идеей зависимости научного мышления от контекста времени. Парадигма у Т.Куна – сформированное временем типовое, «образцовое» отношение субъекта познания к объекту познания. Стоики выявили феномен непреодолимой зависимости объекта познания от субъекта познания, Т.Кун поместил этот феномен в контекст живого исторического опыта познания, обнаружив, что познавательный опыт не только «загружает» научное мышление определенными стереотипами/образами отношения к объекту познания, но и «перезагружает» его. Таким образом, Т.Кун подтвердил догадку стоиков о том, что истина в человеческом мире является во многом условным понятием, что она может быть только приблизительной, когда о приближении к ней или отдалении от нее поступают лишь косвенные сигналы – не от какого-то «решающего эксперимента», но в целом от накопленного познавательного опыта: только историческая практика науки является критерием научной истины, и приоритетная мотивация научного развития иная, нежели стремление к объективной истине, поступающей в компетенцию времени и истории. На эту приоритетную мотивацию и указывает стоическая теория познания с ее автоматизмом достижения истины – «согласия мышления с самим собой» и, следовательно, переносом важности с результата-истины на процедуру.

Согласно наиболее видному представителю постмодернистского направления в философии науки П.Фейерабенду наука как традиция (как и любая другая историческая традиция) – не более чем процедура, нацеленная не на какие-либо результаты, а на воспроизведение самой себя с помощью выполнения определенных норм, стандартов, метода, которые называют научными и декларируют в качестве средств достижения объективной истины. Ключевая идея П.Фейерабенда о научном познании как процедуре воспроизведения самой себя представляется правдоподобной именно в свете открытия стоиков, относительно того, что человеческое познание важно со стороны своей процедуры, а не результата, который в виде «согласия мышления с самим собой» достигается автоматически.

Эпистемологический и социальный протест П.Фейерабенда против сложившегося в науке «имперского» порядка, когда плюрализм идей подавляется властью «авторитетных» идей и «авторитетов», стоящих на страже определенной идеологической модели познания, перекликается с социальным протестом эллинистических философов против современного им имперского порядка. Круг от эллинистических философов к П.Фейерабенду замыкается тем, что эллинистический социальный протест получил эпистемологическое выражение – в частности в стоической теории познания, где умаление значения истины перед значением процедуры подразумевает,

что не может быть привилегированных «держателей истины», что она принадлежит всем и никому; в этом заключается эпистемологический скепсис стоической, как и эллинистической в целом, философии; и в этом же – одна из ее важных идей отрицания имперского социума в пользу социума на основе самоорганизации самостоятельно думающих личностей. Защита П.Фейерабендом «теоретического плюрализма» может быть представлена в качестве реконструкции выдающегося эпистемологического открытия стоиков относительно того, что базовой «точкой опоры» в человеческом мире является мышление, которому нужно доверять как природному «навигатору», пользоваться его механизмом, данным нам не для дезориентации, но для самосохранения.

В четвертом параграфе третьей главы «Скептицизм эпикурейской философии и позитивистская традиция философии науки» рассматриваются идеи эпикурейской философии в их соотносительности с позитивистской концепцией теоретического знания. Возможно утверждать, по мнению автора, что эпикурейская школа во многом предвосхитила позитивистское направление. Эпикурейцев вполне можно назвать скептиками в отношении теоретического мышления – такими же, какими оказались позитивистские философы науки, не доверившие мышлению никакой самостоятельной (теоретической) работы в отрыве от «предложений наблюдения». По сути, к тем же «предложениям наблюдения» привязали мышление и эпикурейцы. Они дали в своей эпистемологии суррогат мышления-понятия, если видеть в них античных «позитивистов», поскольку позитивистские философы науки превратили теоретическое мышление в своеобразный суррогат. Однако важен позитивистский, как и эпикурейский, мотив «подмены» теоретического мышления – недоверие к мышлению, которое отрывается от «очевидного».

Эпикурейский «позитивизм» вырос из сомнения относительно того, что человеку доступна истина, не зависящая от его мышления, т.е. объективная истина. Эта скептическая посылка позволяет говорить о несомненной заслуге эпикурейцев, поскольку они в свое «архаическое» время задумались об условиях, в которых мышление все же способно приближаться к истинам. Для выяснения таких условий требовалось определить критерий истины. Поскольку эпикурейцы заведомо искали этот критерий вне мышления, они в качестве «образца» истины и указали на «очевидное» – на то, что не требует себе обоснования, т.к. обосновывает само себя. Следовательно, рассуждали они, мышление, на которое можно было бы положиться, должно выдавать результаты, имеющие прямую связь с «очевидным»: для того, чтобы войти в область истины, придется значительно поступиться свободой мышления, замкнуть его в круг «очевидного» и при этом, все равно, довольствоваться только приблизительными истинами – мнениями. Если же оставить мышлению всю его свободу, можно попасть в реальный человеческий мир иллюзий, обмана, и сокрытия истины. Таким образом «позитивизм» эпикурейцев – это их рецепт обретения человеком в обманчивом, иллюзорном, скрывающем истину мире хоть какую-то опору.

Эпикурейцы увидели, что истина в человеческом мире, в том числе моральная истина, составляет проблему, которая состоит в несовпадении действительности со своим идеалом. Согласно последнему, человек может рассчитывать на прочную опору единой истины и единой справедливости для всех, а действительность указывает на то, что истина и справедливость разные – справедливое и истинное для одного, несправедливо и неистинно для другого. Эпикурейцы выразили свой протест против «нSIDEальной» действительности через скепсис по отношению к мышлению, которое способно произвести столь «недействительный» идеал. Они решали задачу определения условий «действительного» мышления, естественно, стараясь непосредственно связать мышление с действительностью. Таков был их путь «успокаивающего» воссоединения действительности с идеалом. Характеристика эпикурейской этики как аскетической, «скудной» в отношении удовольствий вполне свидетельствует о «позитивизме» эпикурейцев, поскольку позитивизм по своей сути – это именно рациональный аскетизм, принцип избавления от «бесполезных излишеств».

Таков же и позитивистский минимализм, главный мотив которого – не уйти от сути в ее «аксессуары» и для этого придерживаться ориентира не вообще разума (теоретического мышления), но, как у эпикурейцев, «трезвого» разума, способного отделять суть от ее «аксессуаров». Как и эпикурейцы, позитивисты не доверяют теоретическому мышлению и полагаются на «трезвое» мышление, которое не отходит от неких «бесспорно достоверных» вещей, идентичных искомой сути именно своей «бесспорностью».

В пятом параграфе третьей главы «Пирронический скептицизм и постмодернистские идеи в философии науки» рассматриваются эпистемологические идеи пирронизма в их соотносительности с постмодернистскими концепциями теоретического знания. Философские идеи Пиррона и его последователей, по мнению автора, во многом предвосхитили постмодернистское направление в философии науки. Если стоики и эпикурейцы допускали в самом понятии «мудрец» хотя бы интересубъективную суть-истину, то пирронисты исключили для человека даже и ее, поместив его в мир полной субъективности, в котором не было сути-истины, но было столько субъективных миров, а, значит, и столько истин, сколько людей на земле. Следовательно, чтобы строго и надежно оградить себя от заблуждений, человеку остается одно – ничего не утверждать, но зато он может, подвергая радикальному сомнению, все опровергать без опасения оказаться неправым. Философами единственно возможной истины – истины опровержения – и выступили последователи Пиррона, которые возможно понимали, что они ищут то, чего не существует, и этим пониманием во многом предсказали постмодернистские идеи в философии науки, связанные с безразличием к проблеме истины и исчерпывающим научный метод принципом теоретического плюрализма (релятивизма истины).

Автор отмечает, что у пирронистов нет пафоса отрицания, т.к. последний предполагал бы выбор определенности отрицания, а они находились выше любого выбора и всякой определенности. Похожие положения можно найти у постмодернистских философов науки: теоретический плюрализм (умножение альтернативных теоретических позиций) – одна из наиболее приоритетных задач науки. Важный изостенический мотив последователей Пиррона (все положения равносильны и поэтому невозмутимому скептическому философу, воздерживающемуся от каждого из них, «все равно») присутствует и в постмодернистском направлении, недвусмысленно выраженный П.Фейерабендом в его знаменитом тезисе «все проходит», что вполне можно считать апологией «безмятежности»: выдвинутому теории нужно с полным спокойствием отнестись к тем, кто выдвинул альтернативные теории, как и им к нему и друг другу, поскольку в принципе не существует единственно «правильной» теории.

Интересно, что П.Фейерабенд, ярко выражая постмодернистскую линию в философии науки, считал должной наукой ту, где царит атмосфера терпимости, если действительно не безразличия – все удерживаются от критики друг друга, потому что им, как и античным скептикам, «все равно». Он резко критиковал реальную науку, которая, по его мнению, отошла от должного образца, поскольку ее субъекты принялись всеми правдами и неправдами защищать «свои истины». Несомненно, такими же резкими критиками защитников «своих истин» выступили бы и пирронисты с их неприятием любых позиций определенности. Они не запрещали суждения – такой запрет обрекал бы людей на молчание, – но запрещали защиту суждений, выдающую их за «истины». Также и П.Фейерабенд не запрещал выдвигание теорий, но запрещал их участие в борьбе за звание «истинной теории»: как и у последователей Пиррона, у него нет ни пафоса отрицания, ни пафоса утверждения, а есть только обязательность «невозмутимого» дополнения любой высказанной позиции альтернативной позицией, когда само сосуществование таких позиций достаточно для обретения «мудрого спокойствия», которое будет немедленно разрушено при попытке сделать выбор.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются выводы по основным вопросам и намечаются перспективы дальнейших исследований, посвященных историко-философской проблематике античного скептицизма.

Основные идеи диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора (39 публикаций общим объемом 40 п.л.):

Монографии брошюры, разделы в учебных пособиях

1. Гусев Д.А. Античный скептицизм в истории становления научного мышления. М., 2010. 295 с. 19 п.л. (Монография).

2. Гусев Д.А. История и теория классического скептицизма. М., 2005. 160 с. 9 п.л. (Монография).
3. Гусев Д.А. Рябов П.В., Манекин Р.В. История философии. Учебное пособие. М., 2004. 448 с. 18 п.л. (Авторский вклад – раздел в учебном пособии: «Эпикурейцы, стоики, скептики, киники: поиски счастья», С. 96-108. 0,5 п.л.)
4. Гусев Д.А. Философия. Учебное пособие. М., 2003. 304 с. 15 п.л. (По теме диссертации – раздел: «Закат античной философии» С. 58-67. 0,4 п.л.)

Статьи, опубликованные по перечню ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендуемых ВАК РФ

5. Гусев Д.А. 8. Спорные вопросы биографии Секста Эмпирика – время жизни и место философской деятельности – в контексте интерпретации его текстов // Преподаватель. XXI век. 2008. № 2. С. 133-140. 0, 6 п.л.
6. Гусев Д.А. Философские и исторические предпосылки античного скептицизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2008. № 2. С. 54-62. 0,6 п.л.
7. Гусев Д.А. Роль и значение скептицизма в преподавании философии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 168-173. 0,4 п.л.
8. Гусев Д.А. Античный скептицизм в зарубежной историко-философской литературе: контуры интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2007. № 3. С. 79-84. 0,4 п.л.
9. Гусев Д.А. Изостения и атараксия в философском учении старших скептиков (Пиррон и Тимон) // Преподаватель. XXI век. 2006. № 4. С. 27-31. 0,4 п.л.
10. Гусев Д.А. Философская специфика античного скептицизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2006. № 2. С. 82-90. 0,4 п.л.
11. Гусев Д.А. Этико-психологический аспект античного скептицизма // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 2. С. 26-30. 0,4 п.л.
12. Гусев Д.А. Культурно-историческое значение античного скептицизма // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 3. С. 34-37. 0,4 п.л.

Статьи и тезисы

13. Гусев Д.А. Социальные предпосылки зарождения античного скептицизма и специфика стоической теории познания // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов. Выпуск XLII. М.: Экон-Информ, 2010. С. 62-74. 0,7 п.л. Статья.
14. Гусев Д.А. Стоическая эпистемология в перспективе становления философии науки // Социогуманитарные науки: XXI век. Сборник научных трудов. Выпуск II. М.: «Спутник+», 2009. С. 94-99. 0,5 п.л. Статья.

15. Гусев Д.А. Скептицизм и преподавание философии // Социогуманитарная ситуация в России в свете глобализационных процессов. Материалы международной научной конференции. М.: Макс Пресс, 2008. С. 119-122. 0,2 п.л. Статья.
16. Гусев Д.А. Эвдемонистическая философия эллинизма: поиски индивидуального счастья // Софист: социолог, философ, историк (сборник научных трудов). Выпуск II. М.: МПГУ, 2007. С. 69-81. 0,5 п.л. Статья.
17. Гусев Д.А. Интерпретации античного скептицизма в зарубежной историко-философской литературе конца XIX – XX вв // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Социально-исторические и гуманитарные науки. Сборник статей. М.: Прометей, 2007. С. 204-211. 0,5 п.л. Статья.
18. Гусев Д.А. Античный скептицизм как тип философского мышления // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: социально исторические науки. Сборник статей. М.: Прометей, 2006. С.488-491. 0,2 п.л. Статья.
19. Гусев Д.А. Тропы недоверности рационального познания у младших скептиков // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов. Выпуск 36. М.: Прометей, 2006. С. 86-95. 0,4 п.л. Статья.
20. Гусев Д.А. Изостеническая гносеология античного скептицизма: тропы Энесидема в изложении Секста Эмпирика // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов. Выпуск 35. М.: Прометей, 2006. С. 64-76. 0,5 п.л. Статья.
21. Гусев Д.А. Критика догматической философии в античном скептицизме // Научные труды международной научно-практической конференции ученых МАДИ (ГТУ), МСХА, ЛНАУ 15-16 июня 2005 г. Т. 3. История и философия. Москва – Луганск: МАДИ(ГТУ), 2005. С.90-94. 0,2 п.л. Статья.
22. Гусев Д.А. Изостения, феноменализм и атараксия в античном скептицизме // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений 4 Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.). Т. 2. М.: Современные традиции, 2005. С. 14-15. 0,1 п.л. Тезисы.
23. Гусев Д.А. Роль и значение скептической традиции в мировой философии // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов. Выпуск 33. М.: Прометей, 2005. С. 95-99. 0,2 п.л. Статья.
24. Гусев Д.А. Изостенические предпосылки и феноменистические следствия в философском учении античных скептиков // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов. Выпуск 32. М.: Прометей, 2005. С. 51-61. 0,4 п.л. Статья.
25. Гусев Д.А. Проблема атараксии и изостении в античном скептицизме // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов. Выпуск 31. М.: Прометей, 2005. С. 76-81. 0,3 п.л. Статья.
26. Гусев Д.А. Тезисы об античном скептицизме // Гуманитарий. Сборник научных трудов. Выпуск 7. М.: МПГУ, 2005. С. 177-181. 0,2 п.л. Тезисы.
27. Гусев Д.А. Этический идеал атараксии в скептической философии Секста Эмпирика // Научные труды международной научно-практической

- конференции ученых МАДИ (ГТУ), МСХА, ЛНАУ 11-12 января 2005 г. Т. 4
Философия и политология. Москва – Луганск: МАДИ(ГТУ), 2005. С. 48-52.
0,2 п.л. Статья.
28. Гусев Д.А. Историко-философские судьбы классического скептицизма // Социально-гуманитарные науки на рубеже XXI века. Выпуск II. Сборник научных трудов. М.: МПГУ, 2000. С. 3-8. 0,2 п.л. Статья.
29. Гусев Д.А. Философское учение античных скептиков // Научные труды МПГУ. Серия: социально-исторические науки. М.: Прометей, 2000. С. 404-409. 0,2 п.л. Статья.
30. Гусев Д.А. Феноменализм как основание реальной жизни философа-скептика // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Сборник научных трудов. М.: МПГУ, 1999. С. 38-47. 0,4 п.л. Статья.
31. Гусев Д.А. Античная скептическая критика догматической философии // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Сборник научных трудов. М.: МПГУ, 1999. С. 34-38. 0,2 п.л. Статья.
32. Гусев Д.А. Скептицизм в историко-философском контексте // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск IV. М.: Прометей, 1999. С. 28-32. 0,2 п.л. Статья.
33. Гусев Д.А. Эвдемонистические идеи античных скептиков // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск IV. М.: Прометей, 1999. С. 23-28. 0,2 п.л. Статья.
34. Гусев Д.А. Этические аспекты греческого скептицизма // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск III. М.: Прометей, 1999. С. 68-73. 0,2 п.л. Статья.
35. Гусев Д.А. Специфика философского скептицизма Секста Эмпирика // Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск III. М.: Прометей, 1999. С. 63-68. 0,2 п.л. Статья.
36. Гусев Д.А. Философская специфика античного скептицизма // Научные труды МПГУ. Серия: социально-исторические науки. М.: Прометей, 1998. С. 206-208. 0,1 п.л. Тезисы.
37. Гусев Д.А. Идеи и исторические предпосылки античного скептицизма // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Сборник научных трудов социологического факультета. Часть I. М.: МПГУ, 1996. С. 3-10. 0,3 п.л. Статья.
38. Гусев Д.А. Соотношение изостеничности и феноменальности в античном скептицизме // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Сборник научных трудов социологического факультета. М.: МПГУ, 1995. С. 158-164. 0,3 п.л. Статья.
39. Гусев Д.А. Диалектика гносеологического и этического в античном скептицизме // Познание и его возможности. Тезисы международной научно-методической конференции. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 102-104. 0,1 п.л. Тезисы.

10^2